

Librarium

ЛУ САЛОМЕ

ЭРОТИКА

РИПОЛ КЛАССИК

Лу Саломе Эротика

Содержание

Человек в ипостаси женщины	6
Мысли о проблемах любви	25
Эротика	45
Введение	45
Основание	49
Тема	51
Сексуальный процесс	56
Эротический образ	62
Эротика и искусство	66
Идеализация	70
Эротика и религия	75
Эротическое и социальное	81
Материнство	85
Женщина	90
Мужское и женское	94
Масштаб и границы оценок	101
Жизненный союз	108
Опыт Бога	112
Опыт любви	128
Ницшеана	144
Фридрих Ницше в зеркале его творчества	144
Опыт дружбы	231
Рилькеада	247

С Райнером	247
Апрель – наш месяц, Райнер	271
Из переписки	284
Фрейдиада	295
Опыт Фрейда	295
Вспоминая Фрейда	303
О недосказанном	309
Современные писательницы	329
Драма «Молодой Германии»	347
Апог	363

Лу Андреас-Саломе

Эротика

Человек в ипостаси женщины

К вящему возмущению всей женской эмансипации, или тех, кто так или иначе себя к ней причисляет, невозможно не согласиться с тем, как глубоко в корне всей жизни уже проявляется женский элемент как более низко развитый, как недифференцированный, – и именно поэтому, как ни парадоксально, выполняет свою выдающуюся миссию.

Маленькая мужская клеточка появляется, несмотря на свои крохотные размеры (как раз вследствие своей мизерности обязанная помочь себе пробиться), с самого начала как клеточка с врожденным инстинктом прогресса, как неудовлетворенный, ставящий себе новые цели, выполняющий новую работу, короче, как развивающийся в напоре и преодолении препятствий элемент. Он похож на неостановимо убегающую вперед линию, о которой неизвестно, куда она еще попадет, в то время как женская яйцеклетка замыкает вокруг себя кольцо, за пределы которого она не выступает. А зачем? Разве она не обладает в нем, в этом излучении себя самой, своей собственной прирожденной средой, как будто не сделав больше шагов, в определенной степени последних, из себя, в чужую среду, в пустоту, в тысячи вероятных возможностей бытия, она еще теснее связана со вседержавшим бесконечным целым и оттого еще неразрывнее спаяна со своей исконной основой.

Но именно поэтому в основании женского начала лежит уже примитивно и элементарно обозначенная действительная гармония, надежная округл ость, таящееся в себе великое временное совершенство и наполненность. В нем имеется самодостаточность и собственное великолепие, и глубинные устремления сущности этого начала несовместимы с беспокойством и неутомимостью того, что вечно нацелено вперед, к последним внешним границам, и все сильнее и острее подтягивает и дробит свои силы на ограниченно-специализированные занятия. В этом смысле женское начало относится к мужскому со снисходительным величием знатного аристократа древнего рода, невозмутимо наблюдающего из окон собственного замка с вотчинными владениями за неутомимым выскочкой, который стяжает намного большие успехи, добываясь богатства и славы, но который вновь и вновь видит, как ускользают от него идеалы последней красоты и совершенства, воплощенные в величественной позе аристократа, вроде того как линия горизонта, где, кажется, наконец сливаются небо и земля, все время отодвигается перед путешественником в неизмеримую даль, а он все шагает и шагает.

Это два способа жить, два способа привести жизнь к высочайшему развитию, которое без полового разделения должно было бы замереть на самых низких ступенях. Но бесполезно спорить о том, какой способ ценнее или требует больших усилий: тот ли, чьи силы специализируются на стрем-

лении вперед, или другой, в котором они равномерно стянуты к собственному центру и обретают свою завершенность в самоограничении. Оба эти мира, сами чудесно усложняющиеся по мере развития, также нельзя рассматривать как две половинки одного целого, как это случается вследствие неверного понимания: например, в популярном изречении о женском начале как пассивно воспринимающем сосуде, а о мужском – как его активном творческом содержимом. Если подумать о том явлении, во время которого у людей соединяются мельчайшие мужские и женские тельца – о самом половом акте, – то расхожая фраза о производящем и воспринимающем становится особо прозрачной в своих превратно истолкованных истоках. И женщину, и мужчину отличают, как знак предельной зрелости – в определенной степени как избыток, который по мере роста больше не помещается в «старых мехах», – клетки, из слияния которых возникает человеческий зародыш, несущий в себе как отцовское, так и материнское содержание.

Но не говоря уже о равноценности этого творческого содействия в сотворении новой жизни, плюсом женской работы является то обстоятельство, что у высших животных ребенок созревает в материнском организме, – материнское тело подобно матери-Земле, где укрыто зерно – ребенок, – чтобы, вскормленное ею, прорасти к жизни.

То чисто локальное обстоятельство, что во время зачатия мужское семя проникает в женщину, а она его воспринимает,

ет, способствует укоренившейся путанице, с одной стороны, места, где происходит зарождение ребенка, а с другой стороны, женско-мужских составных частей, зачинающих ребенка. На самом деле тело женщины – лишь место встречи обеих частей. В действительности яйцеклетка не только равноценна сперматозоиду по силе оплодотворения, но именно она развилась изначально из того образования зародышевых клеток, которое было когда-то целостным носителем примитивного, еще дополового, зачатия. В определенной степени она – основной элемент процесса зачатия: в прежних примитивных созданиях его было достаточно для размножения за счет собственного омоложения и деления, пока позднее, на более сложном уровне развития, слияние воедино *различных* клеток не доказало свою необходимость, – и это усложнение всего процесса было привнесено мужскими половыми клетками.

Биологам известно, как трудно найти решающий критерий для отличия яйцеклетки от зародышевой: нелегко определить, имеем ли мы дело с зародышем и с размножающимся бесполом путем животным или с яичниками настоящей самки, чьи яйцеклетки обладают способностью спонтанного развития (см. д-р Карл Клаус, «Основы зоологии»).

Зрелая яйцеклетка, также и у позвоночных, перед началом процесса размножения именно без предварительного оплодотворения показывает такое обновление и иное распределение протоплазмы, при котором зародышевый пузы-

рек растворяется в протоплазме. При «бесполом зачатии» этот процесс обновления может быть достаточным для образования нового организма. При «половом размножении» к омоложению яйцеклетки добавляется еще процесс конъюгации или копуляции различных протоплазменных частиц, причем способность яйцеклетки к развитию, вызванная омоложением, приобретает интенсивность, достаточную для создания нового организма. Слияние ядер гамет (в неоплодотворенном яйце) должно рассматриваться как своего рода конъюгация или копуляция разных протоплазменных тел, как вид оплодотворения, которое демонстрирует еще более тесную взаимосвязь между половым и бесполом зачатием. Неоплодотворенное яйцо проходит первые стадии развития (мейоз) планомерно, сообщая яйцеклетке высокую степень омоложения. При омоложении клеток материал остается тем же, но происходит новое его распределение, что является решающим моментом в каждом образовании клетки. Я сжато пересказываю аргументы из знаменитых физиологических штудий Иоганна Ранке, лишь чтобы подчеркнуть, в каком сильном противоречии находятся физиологически обоснованные представления к вышеприведенной фразе о женском элементе как пассивном придатке творческого мужского. С равным или большим правом могла идти речь о мужской составляющей как нуждающейся в присоединении, так сказать, об «отдающейся», которая используется женским удовлетворяющимся себялюбием как желанная добавка в ее развитии.

И тогда при образном переносе в сферу психики становилась бы с большим правом заметной тайна мужской психики в ее самоотверженной отдаче цели, к которой она присоединяется, а женской психики – в ее самососредоточенном поглощении этой настойчивости.

Но что еще лежит в основе этой настойчивой самоотдачи, как не высшая избирательная сила мужского начала по сравнению с женским? Все дальше продвигающаяся дифференциация и изменение первичного во все более разнообразных функциях есть вся история мужского элемента, столь несовпадающая с той насыщенностью творческого самоповторения, собирания всех сил в собственном самопроизведении, характерном для всего женского. В одном месте своих записей, где Вирхов говорит о том, какие живые клетки в состоянии выступать как материнские (матрицы) для новых клеток, он делает примечание, что все клетки с явно выраженным предназначением очень мало способны к размножению, и, напротив, «более индифферентные клетки» обладают выраженной способностью к появлению новых клеток.

Органическая недифференцированность женского начала является одновременно его творческой силой, и это возможно доказать как на физическом, так и на психическом уровне. Это тот элемент, который должен быть направлен на себя, чтобы другой – мужской – отсюда мог бы вмешиваться в дальнейшее развитие; это то, к чему другой, более дифференцированный элемент должен все время возвращаться, во

что он должен погружаться, чтобы оставаться в живых.

Искаженное понимание женского начала в основном допускает одну и ту же ошибку, все равно, подчеркивает ли оно «придаточность» по отношению к мужчине или налегает преимущественно на чисто материнское в женщине. Встреча полов со всеми своими результатами – это встреча двух самостоятельных для себя миров, из которых один более склонен к самоинтеграции, консолидации себя, а другой – к специализации себя самого. Это делает обоих способными в силу такого различия, дополняя и опираясь друг на друга, зачать третий высокосложный мир. Притом мужчина, хотя он и более агрессивная, более предприимчивая часть, участвует во всем процессе лишь частично и одномоментно, единственным поступком, ибо он живет в прогрессирующем выделении сил, стремящихся врозь к многочисленным отдельным действиям и отдельным занятиям. И помимо всего прочего, его миссия заключается в том, что он осуществляет и развивает таким образом женское существо, которое, оставшись более единым с собой, покоится и таится в том, что однажды вобрало в себя, идентифицировало с собой. Женское начало завершает свою деятельность не в изолированных и специальных занятиях, направленных на внешнюю цель, – оно органически срастается с тем, что делает, оно завершается тем, что вряд ли можно назвать делом, коль его суть в том, что из своей единой живой жизни оно снова излучает, испускает единую живую жизнь. Материнское начало бережет ма-

ленький двойной зародыш в себе и выпускает его лишь после того, как он становится не частью, не *делом*, неким производением родительского бытия, а самостоятельным, совершенным человеческим бытием. Да, пока женщина платит жизни тем, что она *есть*, а не тем, что она делает!

В этом различии полов кроется та разновекторность их отношения друг к другу, которая одновременно делает женщину зависимее и независимее от мужчины, чем он от нее. Поскольку, как мы признали, в отличие от мужчины, рвущегося вперед и разрывающегося в этом стремлении, в женщине действие и бытие совпадают, все ее отдельные поступки являются не чем иным, как большим произвольным актом самого бытия. Из-за этого женщина – человек, более психически настроенный на унисон со своим собственным физическим началом. Она живет в намного более непосредственном, углубленном и вовлеченном отношении к своему телу, и потому через нее яснее, чем через мужчину, проступает тот факт, что интеллектуальная жизнь – это цветение, преобразование и тончайшее преображение великого сексуально определяемого корня всего сущего в абсолютно совершенную форму. Женщина не склонна отделять цветение от корня. Именно поэтому пол в женщине выступает не как изолированный отдельный инстинкт – он пронизывает и проникает ее насквозь, он идентичен с общим проявлением женщины, и потому ему не нужно протискиваться в сознание так локализованно и специализированно, как это происхо-

дит у мужчины. Так сталкиваются с кажущимся парадоксом, что женщина по своей половой предрасположенности менее «чувственный» пол в узком смысле этого слова. С точки зрения психологии, в этом глубоко не правы, когда ее в этой области пытаются мерить той же шкалой ценностей, что и мужчину.

В женщине должны произойти слишком глубокие изменения, чтобы научить ее, например, так свободно разобщать сексуальное удовлетворение и прочую свою человечность, как это часто бывает обычным у мужчины. Мужчина, способный к «сальному», мгновенному удовлетворению своей сексуальности, безо всякого вовлечения других чувств, без какого-либо стоящего сопереживания его прочим наклонностям, использует для этого или, если угодно, злоупотребляет высокой дифференцированностью своей физической конституции, дающую возможность изолировать действие так, что все остальное выступает как выключенное. Этот механический, почти автоматический характер удовлетворения придает процессу некое уродство. Впрочем, безобразность свойственна всем переходам и промежуточным фазам каждого развития как что-то непропорциональное, негармоническое.

Недифференцированная сущность женщины, не сломанное в ней еще тяготение к интимности, неотъемлемая устремленность к интенсивному взаимодействию всех склонностей одновременно, обеспечивает женскому эротиз-

му глубинную красоту. Она иначе переживает эротику, ее физика и техника отражают это иначе, и поэтому ее надо иначе судить, если эта красота остается невредимой. Неслучайно, что женщина пробуждается только через опыт любви к половому влечению и что ей известно такое богатое изобилие возможностей переживания своей любви вне полового опыта. Парадоксально, но менее концентрированный, более рассеянный по всему существу эротизм объясняет большую свободу, которой наслаждается женщина по отношению ко всему, что лежит вне ее.

Далее, нам известно, наряду с уже рассмотренным внутренним физическим значением половых желез, и об их огромном значении для тонуса всего организма, который в здоровом состоянии превращает их в настоящие аккумуляторы нервной энергии. Да, больше нельзя исключать предположения, что, помимо своей общей ценности в качестве тоников, половые железы прямо влияют на мозг посредством периферической нервной системы. То, что выдает врачу, физиологу, заболевшая или выведенная из психического равновесия женщина изнутри своих исключительных состояний и благодаря им, в это могли бы внести определенную ясность и концентрированно высветить таинственные взаимосвязи здоровые представительницы пола, если бы среди них было бы столь же много поэтов и людей искусства, как среди мужчин.

Но как редко воспевали женщины себя, то ли непосред-

ственно, то ли опосредованно через женское повествование о мужчине, или о мире, каким он им предстает. Имеющиеся попытки столь малочисленны, и в этом немногом опять-таки выпячено столько злободневного в защиту или опровержение мужских мнений и предначертаний, а значит, все это пребывает не на уровне искусства. Несмотря на то, что искусство мужчины на деле рассматривало женщину – даже в высоких шедеврах – то очень традиционно, то однобоко, с определенными известными у него предрассудками, нам придется и сегодня прислушиваться к произведениям его искусства, если мы хотим встретить самое глубокое и прелестное, самое простое и самое сильное, что живет в женщине. Разве не возмещают несколько лучших стихов в прозе Петра Альтенберга – пусть тоже однобоких и со слишком узкими взглядами – самые длинные женские исповеди и женские стихи? Разве не выставлено на нескольких страницах в них яснее в выгодном свете женское совершенство, самое суверенное и неприкасаемое в женщине, разве не эмансипирует это женщин действительно и не стоит само по себе больше, чем все, что можно собрать о них при помощи большинства голосов их премудрых доказательств и горячих споров?

Я не хочу останавливаться здесь на поэзии Альтенберга, ибо своей тончайшей, интимнейшей оригинальностью она обязана не столько мужчине в нем, сколько пикантности, для определения которой пришлось бы слишком отклониться. Тем не менее остается верным то, что мужчина-мастер как

таковой чрезвычайно близок женщине и поэтому очень хорошо понимает ее и именно как раз через свое творческое предназначение. Так как последнее отбирает у него многое из остро акцентированного у практичного и действующего представителя мужского рода, оно заставляет его пребывать в более едином, органическом состоянии, в слиянии с тем, что он создает, как это бывает у женщины, и погружает его в определенном смысле в счастье духовной беременности, глубоко вжившейся в себя и вынашивающей творение из глубины всей своей жизни. Не случайно у представителей искусства часто подмечают женские черты, и они вынуждены глотать упреки в немужественности.

Ибо подобно женщинам они тоже не являются хозяевами своих способностей и настроений, более чувствительны и подвержены влиянию того, что скрыто подгоняет их сущность за всеми мыслями и волевыми импульсами, подниматься, произрастать творениями из смутного ила их мечтаний: гениальный человек соприкасается в практике своего творчества с совершенно недифференцированным существом внутри себя и в такие часы становится подобным ему гораздо сильнее, чем самому себе в простые, бодрые, нетворческие часы. И хотя эта утрата типично мужской разорванности так тесно сближает художника и женщину, но лишь в художнике эта схожесть обнаруживает себя в действительной духовной производительной силе, подобно королевской короне, делающей все вещи своими подданными.

Напротив, в женщине основой ее существа, так напоминающей творца, остается все же ее способ жить, но не особая способность души создавать произведения об этой жизни. Исходя из единой точки, а именно из творчески еще живого, не разрушенного, синхронного взаимодействия всех наклонностей внутри себя, до и вне всякого разделения их, художник и женщина идут все же к различным целям.

В художнике, наверное, живет вся эта томная страсть к созиданию нового бытия внутри себя, но выражает себя в собственной форме и ясности в новую для себя вещь, которая была движущей потребностью всего процесса; с другой стороны, в женщине изживают себя примитивно художественные наклонности, но снова и снова и все глубже втянуты они в происходящее, чья движущая сила оживляет их своим теплом, не открывая им своих собственных решений.

В женщине все, кажется, должно разряжаться в жизнь, ничего из нее: так, словно жизнь описывает в ней концентрические круги, как будто она не может из нее выйти без раны и повреждения, как кровь сквозь кожу тела. Во всех высочайших достижениях она никогда не вырывается наружу, оторвавшись и отделившись, подобно тому как рядом с художником можно поставить его произведение как его высшее и лучшее бытие, а он, напротив, в практическом человеческом существовании оказывается его прислужником, его инструментом.

Возможно, женщине по извечным законам удалось уподо-

биться дереву – не тому, чьи плоды по отдельности срывают, отделяют, упаковывают, отправляют кораблем и используют в разнообразных целях, а тому, которое просто хочет *быть* – в священном буйстве своего цветения, созревания, красоты, дающей тень, потому что это значит, что из него возникнут новые побеги, новые деревья. Покачивает иногда ветер его вершину, или падает с нее под собственной тяжестью здесь и там плод – он хочет быть всегда спелым, а часто благородным и сладким, подкрепление страннику, но он лишь падалица, отброшенный без усилий, и, наверное, не хочет значить больше, чем она.

Другими словами, я считаю: как явление жизни, как совокупность жизни, женщина свою силу и свой сок тратит внутри собственного существа, и поэтому произведения ее духа нельзя сравнивать с творчеством мужчины, чьи лучшие творения возникают из того, что они все сконцентрированы в одну точку внимания, всю самую напряженную силу человека впитали в себя и истратили на себя.

Даже там, где женщина хотела бы таким образом проявиться в чем-то личном, это удалось бы ей только частично, причем в другой части она бы чувствовала себя в дисгармонии или в беспокойстве. Отсюда принципиальная духовная и практическая конкуренция с мужчиной, демонстрация равенства своего профессионального потенциала мужскому – настоящая адская работа, и внешнее тщеславие, пробуждающееся при этом, самое смертельное качество, которое жен-

щина может в себе взрастить.

Ее естественное величие как раз в отсутствии этого тщеславия: в уверенности, что ей не требуется приведения подобных доказательств, чтобы чувствовать в себе как женщины высшее самоутверждение, что ей нужно только протягивать свои тенистые ветви, чтобы дать отдых уставшему, утление – жаждущему, не заботясь о том, сколько ее плодов можно было бы сосчитать на рынке.

Если угодно, женщина в этом смысле – человек наслаждения, человек, которому присуще всякое жизнелюбие и самопостигающий поиск. Кого окружает мир женщины, тот начинает дышать им, как начинают вдыхать доброту весны, в которой нежатся. Но только мужчина обладает на деле той практической самоотверженностью, преследующей, вплоть до самопожертвования, одну цель, одно дело, одно занятие, которое его как человека в различных аспектах его сущности оставляет в убытке, однако позволяет за счет этого достичь высочайшего результата.

Находящийся в состоянии крайнего напряжения мужчина отказывается от гармоничной траты самого себя в таком взаимодействии всех сил, которое бы оставалось красивым, радостным и здоровым, если только он может достичь при сильной специализации своих сил манящей цели; дело, которое он высоко ценит, искажает его при определенных обстоятельствах, но именно тот факт, что он был в состоянии это сделать, делает его по-мужски великим. Такому выходу